

Е.И. Алещенко
(Волгоград)

**БОЛГАРСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ
О ЗМЕЯХ КАК ОТРАЖЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЫ МИРА**

Описаны некоторые черты болгарской фольклорной картины мира в сравнении с русской на основе сказочных сюжетов о змеях. Выделяются и анализируются культурные особенности болгарского народа, закрепившиеся в фольклорной картине мира, предпринимается попытка выявить их связь с историей и культурой названного этноса.

Ключевые слова: фольклорная картина мира, национальная лингвокультурная картина мира, народная сказка, сюжет, миф.

Сказки о змеях – неотъемлемая часть фольклора славянских народов. Однако соответствующие представления у разных этносов различны. Для русских сказок и былин характерны сюжеты, в которых змей крадет девушку и держит в плену. Это «отзвук» древних дохристианских времен, когда совершались жертвоприношения для того, чтобы умиловить силы природы или богов. В христианские времена под видом змея изображался враг, «нехристи». Именно по таким сюжетам представляется возможным проследить «прорастание» сказки из мифа. По мнению В.Я. Проппа, доказательством того, что миф древнее сказки, может служить типичная сказочная ситуация спасения жертвы от чудовища. В мифологические времена совершивший подобное человек был бы жестоко наказан соплеменниками, т.к. он лишил богов жертвы и навлек на людей их гнев. В сказках же такой герой – богатырь и спаситель [6, с. 264–265]. Однако мы рассмотрим сказочные сюжеты, в которых змей влюбляется в земную женщину, не пытаясь похитить ее силой. А.Н. Афанасьев пишет: «Народные поверья приписывают змею демонские свойства, богатырскую силу, знание целебных трав, обладание несметными богатствами и живой водою, наделяют его способностью изменять свой страшный чудовищный образ на увлекательную красоту юноши, заставляя его тревожить сердца молодых жен и дев, пробуждать в краса-

вицах томительное чувство любви и вступать с ними в незаконные связи» [2, с. 367]. Так, у восточных славян змей, приняв человеческий облик (чаще – умершего мужа), посещает женщину, которая тяжело переносит смерть супруга, плачет и тоскует по нему. Подобную ситуацию встречаем в казачьей сказке «Огненный змей». Увидев дурное предзнаменование, Аксинья уверяется в смерти ушедшего на войну мужа: *Застонала Аксинья: дурная примета. В сердце незнаемое горе проникло. Горько ей стало. Хуже смерти! Такое горевание на нее навалилось. Расплакалась-разрыдалась казачка («Огненный змей»)*. И вскоре ее начинает посещать муж, однако на рассвете он уходит, и что-то героине кажется в его поведении необычным: *В полночь пришел опять Петр. Ласкается опять к Аксинье. Любится. Расстаяли у нее сомнения, как прошлогодний снег. На рассвете ушел Петр. Утром смотрит Аксинья, нет следов на золе. Неужель нечистый дух к ней ходит?* («Огненный змей»).

Считается, что власть змея над женщиной длится до тех пор, пока та не раскается об этом постороннему человеку [7, с. 186–187].

Чуть заря зарумянилась, побежала Аксинья к бабушке-знахарке. Рассказала ей все, как есть. Вот знахарка ей и говорит:

– Да это не муж твой вовсе, а огненный змей к тебе летает.

Расплакалась Аксинья, грех-то какой! Что делать? Посоветовать знахарку просит.

– Ты, – говорит старушка, – крестов на двери, на окна наставь, а сама сиди, молитву читай. Звать тебя будет змей, не откликайся («Огненный змей»).

Как видим, подобная связь расценивается как грех, хотя и невольный, т.к. женщина сразу не распознает в принявшем человеческий облик змее нечистую силу. М.Ч. Ларионова, анализируя влияние фольклорных сюжетов о змее на художественные произведения, пишет: «Литература, освобождая эти образы от фантастических черт, как зооморфный облик змея, развивает главным образом любовный аспект их взаимоотношений, сформированный еще в мифологии» [5, с. 22].

В. Аврамова в своей работе, посвященной сравнению болгарской и русской языковых картин мира, делает вывод о том, что

в аспекте гендерных отношений русское и болгарское языковое сознание в основном совпадают: «Эталонизация и стереотипизация характеристик мужчины и женщины в рассматриваемых лингвокультурах передается из поколения в поколение в устойчивых образах, формирующих национальное миропонимание» [1, с. 198]. Однако в фольклорной картине мира наблюдаются некоторые отличия от общекультурной. Как было показано выше, в русской народной сказке женщина в отношениях со змеем, как правило, жертва. Защитой для нее может стать соблюдение неких ритуалов, в то время как открытое противостояние змею – дело мужчины. В болгарском сказочном фольклоре по сравнению с русским примечательно то, что змеи, желая добиться благосклонности девушки, начинают ухаживать за ней, делают подарки, приносят цветы, считают своей невестой:

Радка ≤ ... ≥ *и рекла:*

– *Мене ме, мале, змей люби. Може би, змей ще ме вземе. Той всяка вечер дохожда. И тази вечер навярно ще долети да ме види («Мене ме, мале, змей люби»).*

Влюбил се змеем Марко хубава Тодора и не давал никои с пръст да я докосне. Често я спохождал, китки и донасял («Змеем Марко и хубава Тодора»).

Три години Станка змей я любил. Три години не я вземал. Не излизала тя никъде, само вкъщи си стояла. Починали да и се подиграват, че не ходи за вода, на нива, че не ходи на седенки. Не допусkali, че змей я люби («Змеем – китка»).

Как видим из приведенных текстов, змей ревниво оберегает свою невесту, однако примечательно, что влюблен именно он, ни в одной из сказок не говорится, что в змея влюбляется девушка – она лишь смиряется с его ухаживаниями. И, как правило, героини лишь ждут случая, чтобы избавиться от жениха-змея, причем используют для этого знания о свойствах трав, открытые змеям:

Радка попитала жениха си:

– *Като си огън и пламък, можеш ли, змейо, запали това сено и тези снопи?*

– *Снопите мога веднага, ала сеното не смея! – отвърнал и змеем.*

– *Защо сеното не смееш? – не спирала да пита Радка.*

– *Там има билки всякакви – и тинтява, и комунига. И още билки такива, че щом сеното запала, те ще се размиришат и с тебе ще се разделим. Това са билки разделни («Мене ме, мале, змей люби»).*

А Велика му рекла:

– *Зъл турчин иска да вземе в харема си по-малката ми сестра. Ще дам даровете на него, та да го омилостивя и да пожали сестра ми. Ама разбрах, че има билка за раздяла. Искам да я намеря, сестра си да избавя. Като летиш по земята, не си ли видял някъде билка такава? Да я дадем на сестра ми, та турчинът да я остави («Велика и змеем»).*

В приведенном отрывке отразилась еще одна лингвокультурологическая особенность болгарского фольклора: героиня, желая обманом выведать у змея рецепт трав, из которых можно сварить отворотное зелье, говорит, что это нужно для ее сестры, которую хочет забрать в свой гарем «злой турок». Трагической страницей истории Болгарии является «турско робство» – пятисотлетнее турецкое владычество, во время которого множество девушек были увезены на чужбину. Как видим, змей в этой сказке вряд ли может рассматриваться как олицетворение чуждой силы.

– *Аз знам отвара, която влюбени даже разделяя, камо ли жених насила – рекъл той.*

Замълчала си Стояна, а змеем заразправял каквото знае. Разказал и, че там, където цигани са палили огън, растат тези билки разделни: говедарска комунига и овчарска лимоника («Билки разделни»).

В приведенном эпизоде также можно отметить страноведческий компонент: некая тайная сила приписывается месту, «где цыгане разводили огонь». В Болгарии цыганская культура занимает значительное место в связи с тем, что процент цыганского населения велик: из 9 млн жителей современной Болгарии на его долю приходится 2 млн. Отношение к цыганам фиксируется в болгарской языковой картине мира, в особенности в устойчивых выражениях. Так, аналогом русской фразеологической единицы *бабье лето* является болгарская *цыганска есен* (букв. «цыганская осень»). В данном же примере подчеркивается некое волшебство, открытое цыганам.

Змеи владеют и другим тайным знанием, которое обычно направлено на уничтожение, разрушение:

И веднъж му рекла:

– *Като си змей, Марко, сигурно ще знаеш да ми кажеш силна някаква зараза, треска нелечима. Болест – смърт да носи. Да накажа с нея брат ми и снаха ми, дето ми отнеха всичкото наследство.*

– *Знам, ще те науча – тежко казал змеят. – Гръм като удари, където е паднал, пръст вземи след него. С нея ще посипеш брат си и снаха си, няма да ги има* («Змеят Марко и хубава Тодора»).

Невесты выпытывают у змея подобные рецепты, чтобы избавиться от них же самих, лукавая и обманывая. Однако иногда змей уносит их в свое царство, и девушки, всею душой стремясь вернуться, делают это, вымолив у змея разрешение побывать у своих близких. При этом змей, желая следить за ней, превращается в некий предмет – цветок, птичье перо, который его жена берет с собой.

И тъкмо когато пристигнали в сватбения двор и змеят рекъл отново да се превърне в змей, за да помогне на жена си, някаква птица клъвнала китката от ухото на Станка и кацнала на ръба на кладенца. Всичките сватбари се размели, а змеят и Станка разбрали, че с него е свършено.

Той не можел да направи нищо, а тя не знаела какво да стори. По едно време ѝ минало през ума, че може да се освободи от змея и че случаят бил дошъл, но ѝ било много желя за него, а освен това вече му била вярна жена («Змеят – китка»).

Съгласил се змеят, превърнал се в пауново перо, за да не плаши сватбарите. Затъкнала Добра зад ухото си пъстрото пауново перо и слязла на земята на братовата си сватба ≤...≥

≤...≥ Но когато се навела да раздуха възлениците, забравила за затъкнатото зад ухото ѝ перо. Близнали го пламъците, перото пламнало с буен огън. Чули се съсъци и жални стонове. Къщата се заклатила. Изгорял змеят – Добриният мъж.

Знаела Добра, че така било писано, защото насила хубост не става. И тъй като много желяела да се върне на земята, останала при братата си («Насила хубост не става»).

Как видим, в отличие от русского фольклора, когда девушка оказывается в плену у змея или поневоле выходит за него замуж, но не оставляет мысли избавиться от нежеланного супруга, героини болгарских сказок испытывают негативные эмоции оттого, что разлучаются с мужем-змеем, несмотря на то, что это может происходить и не по их вине. Чувство долга перед супругом не позволяет им радоваться, и на земле, среди родных, они остаются потому, что «так уж вышло». В похожих русских сказочных сюжетах («Финист Ясный Со-

кол») девушка любит своего супруга, а уничтожить его хотят ее злые сестры.

Только в одной из рассмотренных нами сказок героиня с радостью выходит замуж за змея. Однако вызвано это тем, что она всего лишь настолько хочет оставить родные места:

Една девойка много искала да напусне родното си село. Мислела, че навсякъде другаде ще бъде по-добре. Затова се омъжила н'за един змей. Грабнал я той под крилото си, да я носи в змейовите предели («Който се врича, той не се отрича»).

Даже змей удивляется такому ее стремлению покинуть родные пенаты, а не выйти за него замуж:

Издигнали се над нейното родно Граово и като видял отвисоко колко е хубаво, змеят не се стърпял и ѝ рекъл:

– *Като гледам, колко е красиво твоето родно място, ти се чудя как от него искаш да избягаш – виж гората, виж полето! Има и роса, и цвят, и слънце. А отиваш, дете няма нищо, само тъмни мъгли и ветрища* («Който се врича, той не се отрича»).

И только тогда девушка понимает, что допустила большую ошибку, и начинает хитрить, чтобы убедить змея отпустить ее: она общается, что забыла дома ту или иную нужную ей вещь. И так происходит трижды, и трижды змей отвечает ей, что она получит это у него дома. Девушке не удастся вернуться, потому что змей говорит ей, что давший слово уже не может отречься от него (выражение, послужившее названием сказки).

Таким образом, в болгарском сказочном фольклоре сюжет, в котором змей становится женихом земной девушки, типичен. Отличает его от соответствующего русского роль змея. Он не похититель, а «кавалер», ухаживающий за дамой, хотя и внушающий ей при этом страх.

Литература

1. Аврамова В. Лингвокультурология. Шумен : Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2007.
2. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. М. : ЭКСМО, 2005.
3. Български народни приказки за змейове и самодиви. София : Изд-во «Дамян Яков», 2004.
4. Казачьи сказки. Волгоград : Вздо, 1992.
5. Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX в. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2006.
6. Пропп В.Я. Русская сказка. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. М. : Лабиринт, 2005.

7. Славянская мифология : энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Толстая. М. : Международ. отношения, 2002.

Bulgarian folktales about snakes as the reflection of national language world picture

There are described some peculiarities of the Bulgarian folk world picture in comparison with the Russian one on the basis of fairy-tale plots about snakes. There are revealed and sorted out the cultural peculiarities of the Bulgarian people fixed in the folk world picture, made the attempt to reveal the connection with the history and culture of the mentioned ethnic group.

Key words: folk world picture, national linguistic and cultural world picture, folk tale, plot, myth.

Е.К. ЧЕРНИЧКИНА
(Волгоград)

ИНОЯЗЫЧНЫЙ УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК ДЕПОЗИТАРИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ

Рассмотрен учебный текст как ядро дискурсивного события в ходе иноязычной обучающей коммуникации: его специфика, типы, значимость при овладении новым лингвокультурным кодом.

Ключевые слова: дискурсивная деятельность, билингвизм, прецедентность, обучающая иноязычная коммуникация, формирующийся билингв, коммуникативная компетенция.

Межличностное общение, как известно, происходит на основе текста. Согласно теории коммуникации, текст представляет собой проекцию интенций адресанта и интерпретативное поле деятельности для адресата. В лингвистической теории подчас имеет место сопоставление текста и дискурса (В.Г. Борботько, А.А. Романов), что представляется вполне закономерным, учитывая диалектическую взаимосвязь этих категорий.

А.А. Романов, анализируя разные подходы в рассмотрении дихотомии «текст – дискурс», подчеркивает неоднозначность их кор-

реляции, что определяется суженностью или расширенностью толкования понятия «текст». Так, широкое понимание текста основывается на интерпретации дискурса как частного случая экзистенции текста [5, с. 20]. В нашем исследовании предпочтение отдается суженному рассмотрению текста как компонента дискурса и материальной основы дискурсивного события. Текст – это то художественно-коммуникативное пространство, где разворачивается дискурсивное событие. Последнее, по нашему мнению, предполагает акцент на деятельностно-процессуальный аспект, в то время как текст воспринимается как продукт, результат этой деятельности.

Овладение иностранным языком как новым лингвокультурным кодом нацелено на формирование умения искусственных билингвов грамотно порождать и интерпретировать иноязычные тексты. Текст репрезентирует определенную тему и акт общения, содержит изучаемый лексико-грамматический материал, служит образцом речевой коммуникации носителей языка согласно норме данной лингвокультуры. В отличие от текста дискурс является прежде всего образцом реализации определенных коммуникативных намерений в контексте конкретной коммуникативной ситуации и по отношению к определенному партнеру, представителю иной культуры, выраженных уместными в данной ситуации вербальными и невербальными средствами.

Акцент на событийность в дискурсивном контексте подчеркивает тематическую заданность и целостность, интерактивность и значимость общения для обоих коммуникантов. Вследствие этого мы считаем, что в обучающей коммуникации речь следует вести об обучении формирующихся билингвов не текстовой, а дискурсивной деятельности, которая должна выступать как содержание и главное условие приближения учебного общения к естественному, а значит, готовить к реальной межкультурной коммуникации. Тем не менее большое значение при разработке модели обучающей коммуникации, а также для развития теории коммуникации имеет изучение текстовых форм присвоения иностранного языка как средства коммуникации.

Что же представляют собой тексты учебного иноязычного дискурса? В первую очередь, это тексты изучаемой лингвокультуры, так называемые первичные, аутентич-